

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2025-2026 УЧЕБНЫЙ ГОД
11 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 270 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 65.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (**на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста**)

Выполните целостный анализ рассказа А.Н. Житинского (1941–2012) «Каменное лицо». Обратите внимание на заглавие, финал, отсылки к литературной традиции.

Не так давно мне потребовалось сделать каменное лицо. Обстоятельства сложились так, что мне совершенно необходимо было иметь каменное лицо хотя бы несколько часов в сутки. Я просто мечтал о том, чтобы в эти часы с моим лицом было все в порядке, части его не разбежались в стороны, и я мог управлять ими с достоинством.

Этого никак не получалось.

Раньше все происходило само собою. Глаза и брови жили в согласии, уши не мешали щекам, губы двигались ритмично, а лоб находился в состоянии покоя, изредка нарушаемом размышлениями. В таком виде мое лицо было не слишком привлекательным, но вполне человеческим – во всяком случае, оно не выделялось в толпе. С первого взгляда становилось понятно, что его обладатель живет ординарной духовной жизнью, ни на что более не претендуя.

С некоторых пор, однако, произошли изменения.

Теперь, когда я вхожу в автобус (трамвай, троллейбус, самолет, дирижабль), непременно находится кто-то, не обязательно знакомый, кто в ужасе восклицает:

– Что с вами? На вас лица нет!

Этот невоспитанный человек просто первым обращал внимание на то, что было видно остальным. Поначалу меня пугали подобные возгласы, я подбегал к зеркалу (в автобусе, трамвае, троллейбусе, самолете, дирижабле) и удостоверился, что со мною не шутят. Лица не было! То есть было нечто, отдаленно напоминавшее разбегающуюся шайку преступников. Щеки прыгали вразнобой, нос заглядывал в левое ухо, а губы были перепутаны местами. Причем, вся эта компания стремилась оттолкнуться друг от друга как можно дальше, переругиваясь, передергиваясь, производя неприличные жесты и обмениваясь оскорблениями. Мне жалко было смотреть на них.

В особенности неполадки с моим лицом становились заметны именно тогда, когда их опасно было обнаруживать, то есть в те часы и в тех местах, где я заведомо должен был производить впечатление здорового, цветущего и даже процветающего человека, которому не страшны никакие личные и общественные неурядицы. Довольно, довольно! Пускай у других краснеют веки, бледнеют щеки, зеленеют глаза! Пускай, пускай у них зубы выстукивают морзянку, язык проваливается в желудок, брови ломаются от душевных мук. При чем тут я? Я должен быть выше этого!

Вот почему я мечтал о каменном лице.

И главное – вокруг столько каменных лиц! Включишь телевизор – каменное лицо. Войдешь в автобус (трамвай, троллейбус, самолет, дирижабль) – полно каменных лиц! Сидишь на собрании – каменные лица у всех, вплоть до президиума и выступающих в прениях. Как им это удастся?

Вероятно, они знали особый секрет, неизвестный мне. «Вот, вот тебе наказание за твой индивидуализм! – временами злорадно думал я о себе. – Вот и воздалось, и аукнулось, и откликнулось! Будешь знать, как быть счастливым, попирателем моральных устоев, суперменом. Лови теперь свои дергающиеся веки!»

Вследствие плохого поведения моего лица, мне перестали верить. А может быть, лицо стало таким, потому что я вышел из доверия. Так или иначе, я стал физически чувствовать, как лгут губы, как притворяются глаза, как обманывают уши. Потеряв согласованность в движениях, они стали врать, как нестройный хор. Каждый звук в отдельности еще можно было слушать, но в совместном звучании обнаруживалась нестерпимая фальшь.

Я решил принять срочные меры, чтобы достигнуть каменного лица.

По утрам я делал гимнастику, распевая песни. Потом проводил аутогенную тренировку, повторяя про себя: «Я им покажу... я им покажу... я им покажу... каменное лицо!» Затем я ехал на работу, стараясь миновать памятные места, где мое лицо сразу же выходило из повиновения. Но таких мест много было в городе, почти на каждом углу, в каждом скверике, в каждой мороженице. Мое лицо убегало от меня, я выскакивал из автобуса (трамвая, троллейбуса, самолета, дирижабля) и бежал за ним, размахивая руками. Со стороны это выглядело так: впереди, рассекая воздух, мчался мой нос, по обе стороны от которого, наподобие эскорта, летели уши. Чуть ниже неслись губы и щеки – абстрактная африканская маска, совершающая плоскопараллельное движение. Сзади, задыхаясь, бежал я – безобразный до невозможности, безликий. Так мы с лицом обходили опасные места, которых, повторяю, было множество. На нейтральной территории, не связанной с потерей лица, я догонял нос, ставил его на место, симметрично располагал брови, щеки и уши, приводил в порядок губы – они еще долго дрожали. В таком виде я добирался до работы, входил в комнату с сотрудниками, и тут все части моего лица мгновенно испарялись. Черт знает что, сублимация какая-то! Они просто исчезали, их не было смысла ловить.

Так я проводил те несколько часов, в течение которых хотел иметь каменное лицо.

Какое там каменное! Хоть бы тряпичное, хоть бы стеклянное, хоть бы какое! Нельзя так унижаться.

Я совершенно измучился за какой-нибудь месяц. Моим губам не верили. В глаза не смотрели. Уши мои, возвращаясь на место, имели обыкновение менять размеры. Они торчали над головой, как неуклюжие розовые крылья, уменьшаясь лишь к утру следующего дня.

Наконец я не выдержал и обратился за помощью к человеку, лицо которого показалось мне наиболее каменным. Я встретил его в молочной столовой. Он сидел за столиком и ел сметану, тщательно выгребая ее ложечкой из стакана. Я понял, почему он ел сметану. Его лицо было настолько каменным, что даже жевать он не мог. Он просовывал ложечку в рот и незаметно глотал сметану. С большим трудом мне удалось привлечь его внимание. Для этого пришлось уронить поднос, на котором была манная каша и сливки.

Он повернул лицо ко мне, и тут, желая застать его врасплох, я спросил:

– Каким образом вы достигли такого лица?

Он не удивился, выскреб остатки сметаны и проглотил. Это был нестарый еще человек, приятной наружности, с живыми глазами. Мне как раз понравилось, что глаза у него живые, а лицо каменное. Сделать каменное лицо при мертвых глазах – дело плевое.

– Есть способ, – сказал он.

– Научите, ради Бога, научите! – воскликнул я, чувствуя, что лицо мое опять начинает разбегаться.

– Да, здорово вас отделали, – сказал он сочувственно.

– Мне плевать на это! Я выше этого! – закричал я, отчаянно пытаюсь вернуть губы на прежнее место.

– Я вижу, – сказал он.

Он поднялся из-за стола, вытер салфеткой рот и сделал мне знак следовать за ним. Мы вышли на улицу.

– Я могу вам помочь, но не уверен, что вы обрадуетесь, – ровным голосом произнес он. – Сам я избрал этот способ несколько лет назад. С тех пор я живу... (он сделал паузу) нормально.

– Я тоже хочу жить нормально! – воскликнул я.

– Придерживайте брови, – посоветовал он. – Они собираются улететь.

Я прикрыл лицо ладонями.

– Вы похожи на человека, который ремонтирует фасад, когда в доме бушует пожар, – заметил он.

– Я ремонтирую пожар, – невесело пошутил я.

– Можно и так. Тем самым вы даете огню пищу.

Мы прошли несколько кварталов, свернули в темный переулок и вошли в подъезд. Лестница была широкая, мраморная, освещенная тусклой лампочкой. Мы поднялись на второй этаж – мой новый знакомый впереди, а я сзади. Он отпер дверь, и мы оказались в прихожей, отделанной под дуб. На стене висело зеркало в бронзовой раме.

– Посмотрите на себя, – сказал он.

Я взглянул в зеркало и увидел то же ненавистное мне, жалкое, растекающееся лицо.

– Вы твердо хотите с ним расстаться?

– Как можно скорее! – со злостью сказал я.

Хозяин пригласил меня в комнату, где стояли мягкие кресла и диван, окружавшие журнальный столик. Стена была занята застекленными полками со встроенными в них телевизором, магнитофоном и закрытыми шкафчиками. На одном из них, железном, была никелированная ручка.

– Садитесь и рассказывайте, – предложил он.

– Что?

– Все с самого начала, ничего не утаивая.

Я начал говорить. Губы не слушались меня. Я поминутно щипал их, дергал, тер щеки пальцами, разглаживал лоб. Мое лицо не желало становиться каменным. Оно яростно сопротивлялось, пока я рассказывал до удивления простую историю, произошедшую со мной.

Историю о том, как я потерял лицо.

Хозяин слушал внимательно. Холодная маска была обращена ко мне. Лишь один раз, когда я рассказывал о том, как горел тополиный пух, по его каменному лицу пробежала судорога.

– Простите, – сказал он. – Это очень похоже.

И тут мне послышалось, что от книжных полок исходит глухой звук. Что-то тяжело и мерно ворочалось там, у стены.

– Больше мне нечего рассказывать, – сказал я.

– Верю, – сказал он.

Я почувствовал, что внутри у меня стало просторно, будто раздвинулась грудная клетка и сердце летало в ней от стенки к стенке, глухо выбивая: тук... тук... тук...

– Сейчас я вас освобожу, – сказал хозяин.

В его руке сверкнул ключик, которым он дотронулся до меня, до моей груди. Что-то щелкнуло, будто искра вонзилась в меня, и я потерял сознание. Медленно клонясь на диван, я успел заметить, что хозяин приближается к шкафчику с никелированной ручкой, а на его ладони горит красный шар величиной с яблоко. Вот он открывает бесшумную дверцу, подносит горящий шар к темной впадине, вот...

Когда я очнулся, передо мною стояла чашка черного кофе.

– Мы теперь братья, – сказал хозяин строго. – Вы это запомните.

– Что вы со мной сделали? – спросил я.

– Посмотрите на себя.

Я вышел в прихожую и подошел к зеркалу. Из него взглянул на меня человек с каменным лицом. Только глаза оставались живыми, и в них жила боль.

– Это я, – прошептал я себе.

– Это я, – беззвучно повторил он губами.

Я вернулся к хозяину, и мы выпили кофе в молчании. Ни один мускул не дрогнул на наших лицах. Я поблагодарил и с трудом заставил себя улыбнуться.

– Все-таки интересно, в чем тут фокус? Лекарство?

– Фокус в том, – медленно произнес он, всем телом наклоняясь ко мне, – фокус в том, что ваше сердце спрятано там, в сейфе... Рядом с моим. Вот в чем фокус.

С тех пор у меня каменное лицо. Я живу нормально. Никакие обстоятельства, памятные места наших встреч и даже презрительные взгляды моей бывшей возлюбленной не выводят меня из равновесия. Что поделать, если можно иметь либо сердце, либо лицо. Отсутствие сердца не так заметно для окружающих.

1976

Выполните целостный анализ стихотворения В.Б. Кривулина (1944–2001) «Вопрос к Тютчеву». Обратите внимание на название, скрупулезность датировки, образную систему, композицию, рефлексия на тему истории. Опирайтесь на историко-литературный контекст.

Я Тютчева спрошу, в какое море гонит
Обломки льда советский календарь,
И если время – Божья тварь,
То почему слезы хрустальной не проронит?
И почему от страха и стыда
Темнеет большеглазая вода,
Тускнеют очи на иконе?

Пред миром неживым в растерянности, в смуте,
В духовном омуте, как рыба безголос,
Ты – взгляд ослепшего от слез,
С тяжелым блеском, тяжелее ртути...
Я Тютчева спрошу, но мысленно, тайком:
Каким сказать небесным языком
Об умирающей минуте?

Мы время отпоем, и высохшее тельце
Покроем бережно нежнейшей пеленой...
Родства к истории родной
Не отрекайся, милый, не надейся,
Что бред веков и тусклый плен минут
Тебя минует... Веришь ли, вернут
Добро исконному владельцу.

И полчища теней из прожитого всеу
Заполнят улицы и комнаты битком,
И – чем дышать? – у Тютчева спрошу я,
И сожалеть – о ком?

24 июля 1970 года, 5 часов утра

II тур
Творческое задание.

Выберите героя из любого произведения русской литературы XIX-XX веков и составьте для него плейлист из 5–7 песен любого времени. Объясните свой выбор каждой песни: как не текст жанр и т.д. связаны с внутренним миром персонажа, его мечтами, планами, этапами развития и проч. В своем тексте продемонстрируйте понимание героя и в целом произведения, которое Вы выбрали. Опирайтесь на историко-литературный контекст. Рекомендуемый объем – не менее 250 слов.